

**Русский архив. Историко-
литературный сборник. 1891**

Выпуски 1-4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р89

Р89 Русский архив. Историко-литературный сборник. 1891: Выпуски 1-4 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 844 с.

ISBN 978-5-458-39991-3

«Русский архив» — ежемесячный историко-литературный журнал, издававшийся в Москве с 1863 по 1917 год. Создателем и продолжительные годы редактором журнала был П. И. Бартнев – историк, археограф, библиограф. Этот журнал называли «живой картиной былого», поскольку он содержал преимущественно публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю России в XVIII и XIX вв. По числу опубликованных источников «Русский архив» стоит на первом месте среди русских исторических журналов. В течение полувека П. И. Бартнев издавал журнал, сумел много написать, опубликовать, открыть множество неизвестных источников. Служба П. И. Бартнева в Архиве министерства иностранных дел, поездки за границу, работа в Чертковской библиотеке позволили редактору познакомиться с разнообразными материалами по истории России. Интересен факт, что именно П. И. Бартнев подбирал исторический материал для романа "Война и мир". Когда известный граф М. С. Воронцов пригласил П. И. Бартнева издать семейный архив Воронцовых, историк познакомился с его женой, Елизаветой Ксаверьевной, услышал от нее много интересных рассказов о Пушкине. Впоследствии в разных журналах, в том числе и в «Русском архиве» были опубликованы статьи П. И. Бартнева, посвященные Пушкину, которые легли в основу будущих исследований пушкинистов, биографов, краеведов, изучавших его творчество. На страницах журнала были опубликованы произведения русских писателей и поэтов: В. А. Жуковского М. Ю. Лермонтова, Н. М. Карамзина, Н. В. Гоголя. Среди редких исторических документов в «Русском архиве» были опубликованы материалы об Отечественной войне 1812 года (1890), записки и письма декабристов (во многих книжках «Русского архива» различных годов).

ISBN 978-5-458-39991-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

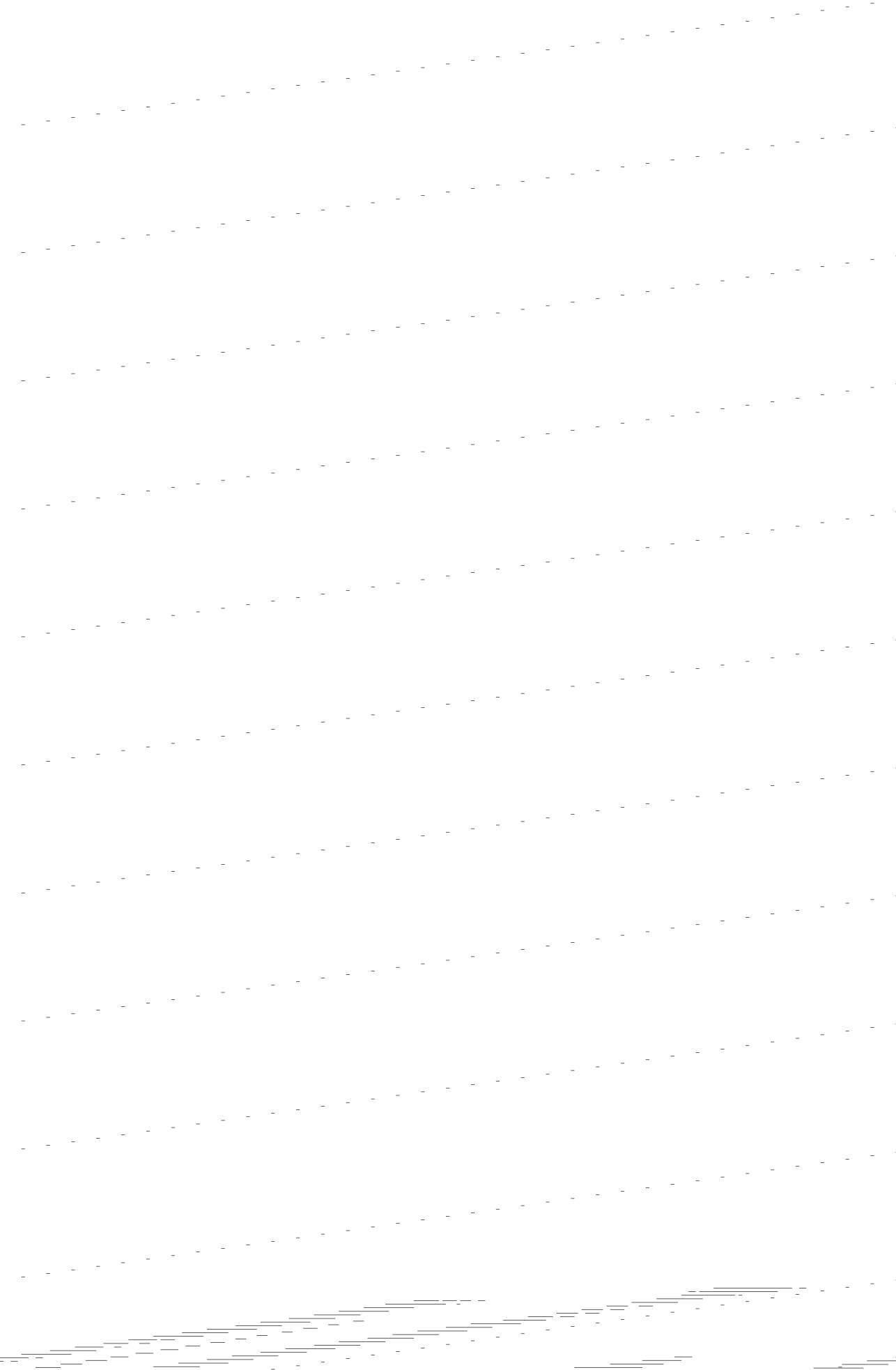
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Перепечатка бумагъ и статей изъ «РУССКАГО АРХИВА», какъ въ цѣломъ составѣ, такъ и въ отрывкахъ, не допускается безъ предварительнаго согласенія.

ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ТЕОДОРОВНА.

IX.

Жизнь Павла Петровича и Маріи Теодоровны въ Павловскѣ и Гатчинѣ. — Характеръ дѣятельности Павловской помѣщицы и Гатчинскаго помѣщика. — Хозяйственныя заботы Маріи Теодоровны. — Отношенія ея къ крестьянамъ и обитателямъ Павловска. — Сооруженія въ Павловскомъ паркѣ и Александрова дача. — Образъ домашней жизни Маріи Теодоровны. — Ея занятія искусствами. — Забавы. — Спектакли. — Французская революція.

Въ 1789 году Маріи Теодоровнѣ исполнилось 30 лѣтъ; прощаясь съ молодостью, она съ гордостію могла оглянуться на свое прошлое. Приѣхавъ въ Россію молодой неопытной дѣвушкой, Марія Теодоровна въ теченіе тринадцати лѣтъ при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ успѣла пріобрѣсти всеобщую любовь и уваженіе. Характеръ великой княгини и ея умѣнье держать себя лучше всего измѣряются тѣмъ, что она могла одновременно пользоваться расположеніемъ и державной своей свекрови, и мужа, относившагося къ матери своей съ крайнимъ чувствомъ недовѣрія и затаенной горечи. Еще болѣе вызывала къ себѣ уваженія прочность нравственныхъ задатковъ Маріи Теодоровны, умѣвшей противостать всѣмъ искушеніямъ пышнаго, развращеннаго двора Екатерины и сохранившей во всей чистотѣ непорочность своего ума и сердца: всѣ современники единогласно съ удивленіемъ говорили о рѣдкой для того времени добродѣтели великой княгини. Правда, условія семейной и связанной съ нею политической жизни Маріи Теодоровны въ Россіи сложились для нея неблагопріятно, лишая ее необходимой пищи для дѣятельности, такъ что Марія Теодоровна, какъ мы видѣли, выражала свои желанія и чувства въ этомъ отношеніи лишь односторонне и въ рѣдкихъ случаяхъ, исключительно тогда, когда дѣло шло о насущныхъ интересахъ ея Русской или Германской семьи; но за то, считая себя при дворѣ Екатерины лишь невольной гостьей и удаляясь отъ него вмѣстѣ съ мужемъ по возможности чаще, Марія Теодоровна не только не утратила этицскихъ навыковъ своихъ къ тихой жизни въ небольшомъ домашнемъ кружкѣ и къ мирнымъ заня-

тіямъ литературой и искусствами, но еще болѣе развила ихъ, пользуясь уединеніемъ Павловска и Гатчины. Здѣсь также погружалась она въ хозяйственныя заботы, предметами которыхъ были Павловскъ и Гатчина. Заботы эти, сами по себѣ по большей части мелочныя, для Маріи Феодоровны имѣли большое значеніе: благодаря имъ, она знакомилась съ подробностями будничной жизни, столь рѣзко отличавшейся отъ жизни двора и великосвѣтскаго общества, сближалась съ людьми, принадлежавшими къ самымъ разнообразнымъ классамъ общества, и мало по малу вырабатывала въ себѣ ту необыкновенную хозяйственную распорядительность, ту привычку къ неустанной дѣятельности, которыми она впослѣдствіи удивляла современниковъ. Въ этомъ отношеніи молодая Павловская помѣщица менѣе всего походила на изысканныхъ, офранцузенныхъ дамъ высшаго общества XVIII в., а напоминала собою такихъ Русскихъ женщинъ того времени, которыя, подобно бывшей статсъ-дамѣ Маріи Феодоровны, графинѣ Е. М. Румянцевой, входили во всѣ подробности своего хозяйства, не довольствуясь услугами наемныхъ или крѣпостныхъ управителей. Нужно замѣтить, что хозяйственныя заботы Маріи Феодоровны основывались не на одномъ только стремленіи ея къ строгой бережливости: ею руководило также сознаніе нравственной отвѣтственности, которую она несла за благосостояніе всѣхъ крестьянъ и другихъ лицъ, судьба которыхъ зависѣла отъ ея вниманія. Безъ сомнѣнія, это же сознаніе живо было и въ Павлѣ Петровичѣ, который въ помѣщикахъ желалъ видѣть устройствелей счастья крѣпостныхъ людей и въ заботахъ своихъ о бытѣ Гатчинскихъ крестьянъ самъ подавалъ тому примѣръ ¹⁾. Великокняжеская чета своими дѣйствіями вполне оправдала слова, съ которыми Павелъ Петровичъ, еще въ самомъ началѣ постройки Павловска, обращался къ другу своему и бывшему наставнику Платону: «Нахожу въ Павловскомъ удовольствіе свое. Сіе удовольствіе ни съ кѣмъ мы не дѣлимъ, сіе удовольствіе ничѣмъ не пріобрѣли; и такъ, заведемъ что нибудь при семъ мѣстѣ, чѣмъ интересовали бы иныхъ, кромѣ себя, и чѣмъ дѣлили бы удовольствіе и спокойствіе съ другими. Вотъ наша мысль» ²⁾. Начало осуществленію этой мысли, какъ мы уже видѣли, положено было тогда же устройствомъ богадѣльни, школы и больницы для обитателей Павловска ³⁾. Павловскъ въ это время былъ единственнымъ помѣстьемъ великокняжеской четы, и поэтому на немъ исключительно сосредоточивались ея заботы. Но съ пожалованіемъ Павлу Петровичу

¹⁾ Семевскій, „Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины“, I, 114.

²⁾ „Русскій Архивъ“, II, 34. Письмо отъ 29 Мая 1783 г.

³⁾ См. VII главу настоящаго труда. „Русскій Архивъ“, 1890, IX.

Гатчины положеніе дѣль измѣнилось къ невыгодѣ нарождающагося Павловска. Гатчина уже въ то время была большимъ сравнительно поселеніемъ, въ которомъ считалось до 2000 жителей, тогда какъ въ Павловскѣ было ихъ всего около 600; здоровый климатъ Гатчины и положеніе ея на перепутьи между дорогами на Петербургъ, Москву и Варшаву невольно заставляли отдавать ей предпочтеніе предъ Павловскомъ, терявшимся въ глубинѣ лѣсовъ, окружавшихъ Царское Село, и расположенномъ на низкомъ, сыромъ мѣстѣ; наконецъ, самый дворецъ Гатчинскій, бывшее жилище князя Г. Г. Орлова, убранный съ большимъ вкусомъ и великолѣпіемъ, по своей обширности, удобствамъ для жизни и красотѣ своихъ зданій и садовъ, представлялъ несомнѣнно лучшее помѣщеніе для великокняжеской четы, чѣмъ дворецъ въ Павловскѣ, въ то время даже еще не достроенный. Неудивительно поэтому, что Павелъ Петровичъ, сдѣлавшись владѣльцемъ Гатчины и будучи чуждъ Этюпскому, идиллическому настроенію своей супруги, выбралъ Гатчину главнымъ своимъ мѣстопробываніемъ. Сама основательница и владѣтельница Павловска, любя его какъ свое твореніе, не могла не сознать преимуществъ Гатчины. «Гатчина соперница весьма опасная», писала Марія Ѳеодоровна 14 Сентября 1785 года Кюхельбекеру, управлявшему Павловскомъ, «и необходимо приложить всю вашу дѣятельность и все ваше усердіе, чтобы Павловское могло выдержать сравненіе» ⁴⁾. Дѣйствительно, въ Павловскѣ шла въ это время неустанная работа по окончательной отдѣлкѣ дворца, который, однако, готовъ былъ вполне лишь въ концѣ 1786 года ⁵⁾.

Завѣдывавшій Павловскомъ Кюхельбекеръ былъ только исполнителемъ приказаній Маріи Ѳеодоровны, которая, гдѣ бы она ни жила, входила во всѣ мелочи Павловскаго хозяйства. Каждая смѣта художественныхъ и обойныхъ работъ, каждый счетъ подрядчиковъ, даже архитектурныя подробности подвергались тщательному просмотру и провѣркѣ Маріи Ѳеодоровны и служатъ доказательствомъ рѣдкой въ ея возрастѣ и положеніи разумной бережливости. «Вы были правы, добрый мой Кюхельбекеръ (писала она однажды) говоря, что смѣта о постройкѣ конюшенъ перепугаетъ насъ. Есть чего перепугаться, ибо эта смѣта дѣйствительно аптекарскій счетъ. Я говорила о ней со многими лицами, и всѣ удивлены и поражены ею столько же, сколько и я. Поэтому прошу васъ приказать другимъ пересмотрѣть ее, и сами

⁴⁾ „Павловскъ“, 536.

⁵⁾ Лѣтомъ 1786 года во дворцѣ приготовлялись покои для дочерей великой княгини. При этомъ стѣны оклеены были бумажными обоями, что было тогда новизною, такъ какъ они въ то время еще не вошли во всеобщее употребленіе. Павловскъ, 47.

пересмотрите. Пильниковъ добрый малый, но онъ считаетъ по манерѣ тѣхъ первоклассныхъ архитекторовъ, которые, чуть дѣло идетъ о дворцѣ, насчитываютъ вдвое и втрое. Сдѣлаю вамъ нѣсколько замѣтокъ: стѣны сараевъ могутъ быть, какъ мнѣ кажется, сложены въ полтора кирпича, ибо такъ какъ въ нихъ никто не живетъ, то все равно, будутъ ли промерзать стѣны или нѣтъ. Тоже скажу и о всѣхъ стѣнахъ, которыми обнесены сараи. Такъ какъ во всемъ зданіи сараевъ и конюшенъ нѣтъ ни одной печки, ни одного камина, а слѣдовательно и опасности отъ огня, то желѣзныя кровли совершенно бесполезны и могутъ быть замѣнены черепицами, потому что послѣднія дешевле. Повторяю вамъ, мой добрый Кюхельбекеръ, что счетъ всѣмъ кажется непомѣрнымъ, и такъ или иначе, но въ него непремѣнно вкралась ошибка»^{*)}. «Уговорились ли вы на счетъ бѣлой тафты? <писала она въ другой разъ.> Съ меня спрашивали за нее рубль шестьдесятъ коп., и я не хотѣла взять, думая, что съ меня запрашиваютъ. Поручаю это вамъ. Мнѣ показывали тафту въ рубль пятнадцать коп., но она очень плоха». Было бы слишкомъ утомительно приводить новыя выписки такого же характера изъ писемъ Маріи Теодоровны къ Кюхельбекеру: всѣ онѣ свидѣтельствуютъ только объ усиліяхъ великой княгини свести расходы по работамъ въ Павловскѣ къ возможно-меньшей суммѣ; достигнуть этой цѣли, конечно, было бы нельзя безъ зоркаго глаза самой владѣтельницы Павловска и основательнаго знакомства ея со всѣми хозяйственными мелочами. Можно принять за вѣрное, что, созидавъ Павловскъ, Марія Теодоровна практически училась хозяйству во всѣхъ его отрасляхъ, въ затруднительныхъ случаяхъ обращаясь за совѣтами къ людямъ опытнымъ. Безъ сомнѣнія, расчетливость Маріи Теодоровны можетъ показаться иногда чрезчуръ мелочной для супруги наслѣдника Русскаго престола; но не надо забывать, что финансовыя дѣла великокняжеской четы, принужденной посылать большія суммы за границу, поневолѣ вынуждали Марію Теодоровну быть бережливой на расходы по Павловску; съ другой стороны, слишкомъ урѣзывать ихъ значило отказаться отъ взлелѣянныхъ уже Маріей Теодоровной плановъ создать себѣ гнѣздышко на подобіе родного Этюпа и, въ тоже время, не возбудить неудовольствіе Императрицы, которая, безъ сомнѣнія, могла бы догадаться, что суммамъ, отпускавшимся на построение Павловска, давалось другое назначеніе. Неоднократно бывали даже случаи, когда Марія Теодоровна, какъ видно, оказывалась не въ

^{*)} „Павловскъ“, 48—49. Письма Маріи Теодоровны къ Кюхельбекеру находятся въ Архивѣ Павловскаго дворца. Важнѣйшія изъ нихъ приведены въ переводѣ, а подлинники въ книгѣ „Павловскъ“, на которую мы и ссылаемся.

состояніи оплатить даже мелкія затраты по постройкѣ и отдѣлкѣ Павловскихъ сооружений. «Прошу васъ, мой добрый Кюхельбекеръ, дать мнѣ отвѣтъ на счетъ ситцу», писала она однажды. «Вы не должны опасаться (sic) заплатить за него, потому что я въ ту же минуту отдамъ вамъ деньги». «Посылаю вамъ 40 р.», сообщала она въ другой разъ Кюхельбекеру. «Особенно поручаю вамъ расплатиться съ землекопами, на сколько это человѣчески возможно. Пришлите мнѣ мѣрки печей, которыя въ нижнемъ и въ третьемъ этажахъ, чтобы я могла заказать заслонки здѣсь, гдѣ ихъ дѣлаютъ хорошо, и такъ какъ мастеръ постоянно состоитъ здѣсь на службѣ, то за нихъ не надобно платить денегъ». «Все-таки хоть что-нибудь», радовалась великая княгиня, предлагая оставить въ кассѣ 40 р., сбереженные отъ расходовъ по уплатѣ. Естественно предположить, что стремленіе къ мелочнымъ урѣзываніямъ по хозяйству, желаніе прилагать всѣ усилія къ производству нужныхъ работъ самымъ дешевымъ способомъ, иногда съ цѣлью выгадать всего нѣсколько лишнихъ рублей ¹⁾, должно было бы развить въ великой княгинѣ страсть къ скопидомству и даже скупость. На самомъ же дѣлѣ это свидѣтельствовало только о щепетильной точности и акуратности Маріи Феодоровны въ денежныхъ дѣлахъ: при сердечной добротѣ Маріи Феодоровны и ея нравственныхъ свойствахъ о скупости и черствомъ отношеніи къ рабочимъ не можетъ быть и рѣчи. Напротивъ, сокращеніе расходовъ не шло въ ущербъ вознагражденія рабочимъ, а о здоровьи ихъ принимались самыя тщательныя заботы. Были случаи, когда Марія Феодоровна присылала нарочныхъ изъ Петербурга исключительно для того, чтобы узнать, не заболѣлъ ли кто изъ рабочихъ во время колки льда и въ предупрежденіе болѣзней доставляла деньги на теплое питье, на водку, на обувь и т. д. «Такъ какъ я вижу, что теперь вы очень нуждаетесь въ деньгахъ», писала она Кюхельбекеру 14 Апрѣля 1785 г., «то посылаю вамъ пятьсотъ рублей, взятые мною въ займы. Наградите тѣхъ, которые особенно хорошо работали при ледоколѣ; въ особенности же увѣдомьте меня, по совѣсти, не заболѣлъ ли кто на этой работѣ». Когда весною 1786 года въ Петербургѣ открылась эпидемія и между рабочими въ Павловскѣ появилось много больныхъ, Марія Феодоровна въ помощь доктору Ром-

¹⁾ „Маіоръ Бенкендорфъ сказалъ мнѣ, что каждый кусть можжевельника обойдется намъ въ восемь копѣекъ, онъ же платитъ только по три копѣйки; поэтому мнѣ пришло на мысль сказать вамъ, чтобы вы прислали сюда лошадей въ Воскресенье, пораньше утромъ. Тогда они навезутъ нѣсколько возовъ этихъ кустарниковъ, мы заплатимъ за нихъ по три копѣйки, и въ тоже время лошади не будутъ отвлечены отъ работъ на Понедѣльникъ“. Письмо отъ 24 Сентября 1786 г.

бергу, занятому по больницъ, прислала доктора Ритмейстера и писала Кюхельбекеру: «Ради Бога, не жалѣйте ни денегъ, ни расходовъ, ни заботъ, чтобы предупредить болѣзни, и убѣдите Ритмейстера удвоить усилія къ спасенію этихъ бѣдняковъ... Что касается до множества больныхъ, то и здѣшніе госпитали переполнены ими; но что безконечно огорчаетъ меня, это видѣть, что не проходитъ недѣли, чтобы у васъ кто-нибудь не умеръ. Особенно поразила меня смерть втораго штукатура, умершаго отъ цынги, тогда какъ болѣзнь эта обыкновенно не смертельна, а лѣкарь даже не довелъ до вашего свѣдѣнія, что больной опасенъ. Желаю, чтобы вы прислали мнѣ подробный списокъ больныхъ и чтобы Ритмейстеръ отмѣтилъ на немъ, кто именно изъ нихъ боленъ серьезно. Хорошо сдѣлаете, если посоветуете ему, буде есть у него тяжело больные, обращаться за содѣйствіемъ къ Ромбергу, который опытнѣе его, и тогда каждый разъ писать къ Крузе (лейбъ-медику), испрашивая его совѣта. Отвѣчайте мнѣ на это, и прошу васъ еще, мой добрый Кюхельбекеръ, приказать разъ навсегда; если появится опасный больной, чтобы вамъ о немъ тотчасъ же сообщали. Если вы въ это время будете въ городѣ, то прикажите Ритмейстеру присылать къ вамъ нарочнаго, а къ Крузе—донесеніе. Эти покойники меня огорчаютъ... Зачѣмъ вы отослали въ Петербургъ трехъ больныхъ каменщиковъ? Отвѣчайте на этотъ вопросъ». Заботы Маріи Теодоровны о здоровьи обитателей Павловска встрѣчали, однако, противодѣйствіе благодаря недовѣрію ихъ къ медицинѣ и докторамъ. Оставивъ Ритмейстера въ Павловскѣ, Марія Теодоровна надѣялась, что жители Павловска будутъ пользоваться также услугами его жены, акушерки; надежда эта не скоро оправдалась. «Досадно», писала она по этому случаю, «что еще никто не пользовался услугами Ритмейстерши; но пусть это придетъ само собой, и склонить къ тому нельзя никого иначе, какъ убѣжденіями и ласкою; но я желала бы, чтобы жена моего священника подала другимъ добрый примѣръ». Еще болѣе сильное противодѣйствіе возбудили въ жителяхъ Павловска мѣры Маріи Теодоровны по прививкѣ оспы ихъ дѣтямъ. Весною 1788—1789 года въ Павловскѣ открылась оспенная эпидемія. Великая княгиня отправила въ Павловскъ для прививки дѣтямъ оспы врача Галлидея, прививавшаго ранѣе оспу великимъ князьямъ и княжнамъ». «Вы соберете, писала по этому поводу Кюхельбекеру Марія Теодоровна, «всѣхъ находящихся въ Павловскѣ дѣтей, у которыхъ не было оспы, чтобы онъ ихъ освидѣтельствовалъ и рѣшилъ—нужно ли имъ привить оспу, и тогда, подчиняясь его распоряженіямъ, уговорите родителей на это согласиться, заставивъ ихъ принять во вниманіе, что у насъ двое дѣтей, у которыхъ не было оспы, и что, такимъ образомъ, если эпидемія продолжится въ Павловскѣ, дѣ-

ти наши подвергнутся истинной опасности. Завтра увѣдомьте меня, чѣмъ рѣшить Галлидей и пришлите мнѣ списокъ тѣхъ, кого онъ выберетъ, съ означеніемъ ихъ лѣтъ». Изъ письма Маріи Θεодоровны видно, какъ приняты были ея распоряженія жителями Павловска. «Я очень довольна всѣми вашими распоряженіями; желала бы только, чтобы вы не слушали просьбъ родителей, отдавшихъ своихъ дѣтей для прививки оспы не назначенныхъ Галлидеемъ, но надѣющихся еще, что они будутъ присланы обратно безъ прививки. Скажите Кузьмѣ Петровичу (одному изъ крестьянъ), чтобы онъ, Бога ради, заботился о своихъ дѣтяхъ. Желала бы видѣть ихъ въ добрыхъ рукахъ, и не будетъ ли хорошо, если ихъ отправить въ надежное помѣщеніе? Мнѣ пришло на мысль, что можетъ быть Галлидей доставить мнѣ удовольствіе и возьметъ на свое попеченіе этихъ двухъ дѣтей, если его объ этомъ попросить. Я напишу ему еще сегодня вечеромъ и сообщу вамъ отвѣтъ его завтра; ибо боюсь, что если перевести ихъ къ его родственницѣ, то ихъ тамъ слишкомъ тепло будутъ держать, и дѣти отъ того пострадаютъ. Скажите большое спасибо тѣмъ мужичкамъ, особенно тому, который подалъ примѣръ, и всѣмъ прочимъ родителямъ. Что же касается до вдовы Сельдюковой, послѣ ея ужаснаго предложенія извести своего ребенка и отречься отъ обязанностей, лежащихъ на матери,—вы скажите ей только, что я беру дитя на свое попеченіе; вы его довѣрите, кому найдете умѣстнымъ, подъ непосредственнымъ надзоромъ Ритмейстера и его жены; относительно матери, какъ только ея здоровье дозволитъ, она должна выѣхать изъ Павловскаго, и я не хочу болѣе видѣть ее въ спискахъ пенсіонерокъ. Однако выждите девять дней послѣ родовъ и тогда объявите ей ея участь; но, ради Бога, заботьтесь о дѣтяхъ». Случай съ Сельдюковой, очевидно, не имѣлъ отношенія къ оспенной эпидеміи: женщина эта принадлежала къ разряду матерей, стремившихся освободиться отъ своихъ обязанностей. Такіе случаи, разумѣется, глубоко огорчали Марію Θεодоровну и производили неизгладимое впечатлѣніе на ея нѣжное сердце; вѣроятно, уже въ это время она задавалась мыслию о судьбѣ дѣтей несчастно-рожденныхъ и брошенныхъ безъ призрѣнія. Что касается до Кузьмы Петровича, то отъ него, очевидно, не ждали скорого согласія на просьбы великой княгини—отдать дѣтей своихъ на попеченіе Галлидею. «Посылаю вамъ», писала на другой день Марія Θεодоровна Кюхельбекеру, «копію съ отвѣта Галлидея. Переведите ее Кузьмѣ Петровичу и если онъ согласенъ отдать ему своихъ дѣтей, то можетъ самъ отвезти ихъ къ Галлидею. Растолкуйте этому простяку, что ему только добра хотятъ; но если будетъ упрямяться въ своемъ рѣшеніи, то дѣлать нечего. Какъ здоровье новорожденнаго ребенка? Каковъ тотъ, у котораго привита оспа?

Что дѣлалось для жителей Павловска, тоже происходило въ Гатчинѣ, гдѣ хозяиномъ являлся Павелъ Петровичъ, всегда сочувствовавшій своей супругѣ въ ея благотворительныхъ начинаніяхъ и дѣйствовавшій съ нею въ одномъ духѣ. И въ Гатчинѣ первыми подарками новыхъ ея владѣтелей бѣднымъ ея жителямъ были также школа и больница, въ виду многочисленности населенія, даже въ бѣльшихъ размѣрахъ, чѣмъ въ Павловскѣ. Крестьянамъ, у которыхъ хозяйство не по ихъ винѣ приходило въ упадокъ, Павелъ Петровичъ помогать не только денежными ссудами, но и прирѣзкою необходимаго количества земли. Заботясь объ удовлетвореніи религиозныхъ потребностей Гатчинскихъ жителей, принадлежавшихъ къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, Павелъ Петровичъ выстроилъ на свой счетъ, кромѣ уже существовавшихъ, еще четыре церкви: православную въ госпиталѣ, общую лютеранскую, католическую и Финскую въ Колпинѣ; на свой же счетъ содержалъ онъ и духовенство этихъ церквей. Вниманію и содѣйствію цесаревича обязана была Гатчина возникновеніемъ въ ней стекляннаго и фарфороваго завода, суконной фабрики, шляпной мастерской и сукновальни *).

Вообще, дѣятельность Павла Петровича и Маріи Феодоровны, какъ частныхъ людей и добрыхъ просвѣщенныхъ помѣщиковъ, могла бы служить образцомъ для огромнаго большинства Русскихъ вельможъ того времени, умѣвшихъ за небольшими исключеніями проживать лишь доходы съ своихъ имѣній и поручавшихъ судьбу своихъ крѣпостныхъ наемнымъ управителямъ. Объ извлеченіи постоянныхъ денежныхъ доходовъ въ возможно-большемъ размѣрѣ августѣйшіе владѣтели Гатчины и Павловска, при ограниченности своихъ средствъ, думали, однако, менѣе всего. Доходы съ имѣній шли, главнымъ образомъ, на содержаніе дворцовъ и наличнаго штата служащихъ. Гатчина и Павловскъ дѣржи были своимъ владѣльцамъ какъ мѣста, гдѣ они могли жить на свободѣ, удовлетворяя своимъ личнымъ вкусамъ и наклонностямъ. Вотъ почему, при всей общности дѣйствій Павла Петровича и Маріи Феодоровны, Гатчина и Павловскъ пріобрѣли скорѣ различный своеобразный отпечатокъ. Гатчина, сообразно съ характеромъ великаго князя, приняла видъ военного неподвижнаго лагеря: въ ней былъ форштадтъ, казавшійся современникамъ точнымъ подобіемъ маленькаго Германскаго городка. «Эта слобода, говоритъ одинъ изъ нихъ, имѣла заставы, казармы, конюшни; всѣ строенія были точь-въ-точь такія, какъ въ Пруссіи; а по виду войскъ, тутъ стоявшихъ, хотѣлось побиться объ закладъ, что они прямо изъ Берлина» ^).

*) Кобеко 294—296.

^) Записки Саблукова. Русск. Арх., 1869, столб. 1879.